

RU

Генезис образа ратного поля в поэтической баталистике
периода Отечественной войны 1812 года

Поташова К. А.

Аннотация. Целью исследования является выявление литературного генезиса, смысловой составляющей и художественного потенциала образа ратного поля в словесной баталистике 1812 года. В статье на материале произведений из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» в сопоставлении с фольклорной традицией и древнерусской воинской повестью рассматривается архитектура батального пространства, изучается символическая наполненность батального образа. Научная новизна исследования состоит в уточнении генезиса пространственных топосов в словесной баталистике периода Отечественной войны 1812 года, в определении механизмов преобразования зримых картин военных событий в художественный образ, обладающий высокой силой воздействия, а также в расширении представлений о поэтике зрительного в русской словесности начала XIX века. В результате исследования установлено, что в батальном контексте топос поля реализуется в нескольких значениях и, помимо названия места сражения, оно мыслится как обобщенный образ всей русской земли, как видимое воплощение народного характера. Выявлено, что наряду с яркой образностью, наследованной из древнерусского воинского повествования, поэты 1812 года привнесли в батальный текст романтические и реалистические тенденции изображения пространства, что проявилось в воспевании на поле боя военной заслуги обычного человека, гусарской удали, дружеских чувств, изображении солдатского быта, что вкуче позволяет читателю зримо воспринять исторические события и приобщиться к словесной патриотической традиции.

EN

The genesis of the battlefield image
in the poetic batalistics of the Patriotic War of 1812

Potashova K. A.

Abstract. The aim of the research is to identify the literary genesis, semantic components, and artistic potential of the image of the battlefield in the poetic batalistics of 1812. The article explores the architectonics of the battlefield space and the symbolic content of the battle image, based on works from the “Collection of Poems Relating to the Unforgettable Year of 1812”, in comparison with folklore traditions and ancient Russian military tales. The research’s scientific novelty lies in clarifying the genesis of spatial topoi in the verbal batalistics of the Patriotic War of 1812, determining the mechanisms of transforming vivid images of military events into powerful artistic images, and expanding our understanding of visual poetics in the Russian literature of the early 19th century. The study reveals that within the context of battles, the field topoi is realized in several meanings. It is not only a designation of the battlefield but also a generalized image of the entire Russian land, embodying the national character. It is found that alongside the vivid imagery inherited from ancient Russian military storytelling, the poets of 1812 infused the battle texts with romantic and realistic tendencies in the depiction of space. This is reflected in their praises of the military accomplishments of ordinary individuals on the battlefield, the gallantry of hussars, friendly sentiments, and portrayals of soldier life. This allows readers to visually perceive historical events and be engaged with the literary patriotic tradition.

Введение

Словесная баталистика начала XIX века привлекает внимание яркой визуальной образностью, коррелирующей с мировоззренческими основаниями и новыми творческими концепциями в литературе этого периода. Актуальность обращения к выявлению специфики батального образа и его литературного генезиса обусловлена несколькими причинами. Во-первых, батальная поэзия на высочайшем художественном уровне

представляет идеи национальной идентичности, государственности, патриотизма, оттого выявление смысловой наполненности батальных образов в русской поэзии 1812 года позволяет обратиться к чувствам человека в кризисные моменты истории. Во-вторых, рассмотрение данной проблемы определяется возросшим интересом науки к интегрирующей методологии исследования. В этой связи необходимо обновление подходов к анализу батальной поэзии в аспекте усвоения поэтической традиции предшествующих эпох и выработки новых приемов образности. И, наконец, актуальность данного исследования видится в выявлении источников образности батальной поэзии 1812 года, позволяющих раскрыть уникальность синтеза вербального и визуального начал в художественном мышлении русских поэтов, что представляется перспективным для современного литературоведения в свете продолжения исследований в области онтологии и поэтики художественного образа.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) выявить источники визуальной образности, отвечающие духовным настроениям, идейным установкам и творческим парадигмам, определяющим литературную ситуацию начала XIX века; 2) раскрыть поэтические механизмы создания зримого образа ратного поля в баталистике 1812 года; 3) проследить развитие визуальной образности, использующейся при создании пространства, в русском батальном тексте от фольклора и древнерусской воинской повести к романтической баталистике 1812 года.

Материалом для исследования явились произведения как признанных поэтов рубежа XVIII-XIX вв., так и поэтов-любителей, опубликованные в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М.: Языки славянской культуры, 2015). Батальный образ, созданный в поэзии Отечественной войны 1812 года, изучается в сопоставлении с художественной системой былин Киевского цикла (Илья Муромец / подг. текста, сост. А. М. Астахова. М. – Л.: АН СССР, 1958) и древнерусского воинского повествования, в частности со «Сказанием о Мамаевом побоище» и «Задонщиной» (Сказания и повести о Куликовской битве / под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1982). Под рассматриваемым в статье батальным текстом понимается совокупность поэтических произведений первой трети XIX века, создающих зримый военный образ, пронизанный патриотическими настроениями и героическим пафосом, в качестве иллюстративного материала привлекаются сочинения Н. И. Гнедича (Гнедич Н. И. Поэма из времен княжеских усобиц (ослепление Василька, князя Теребовльского) // Гнедич Н. И. Собрание автографов. Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 197. Ед. хр. 5; Илиада / пер. с древнегреч. Н. И. Гнедича. М.: Правда, 1985). Объективный анализ выбранного материала обеспечивается обращением к эстетической мысли эпохи романтизма (Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985).

Теоретическую базу исследования составили труды литературоведов, разрабатывающих пути анализа батального образа и сопряженных с ним мотивов в русской поэзии XVIII – первой трети XIX в. В обращениях исследователей к данной проблеме просматривается несколько направлений. Первую группу составляют работы, связанные непосредственно с анализом поэтики произведений из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». Здесь в первую очередь следует выделить труды И. А. Айзиковой, подготовившей юбилейное издание «Собрания...», которое используется в настоящей работе, рассмотревшей его телеологию и определившей роль сборника для «нравственно-философского и поэтического развития отечественной лирики начала XIX в.» (2013, с. 448). Привлекают внимание и более частные исследования. Так, на оригинальность поэтических метафор из «Гимна лиро-эпического, на прогнание французов из Отечества 1812 года» Г. Р. Державина, открывающего «Собрание...», обратил внимание В. А. Кошелев (2016), эстетические принципы включенного в сборник «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского целостно рассмотрел А. С. Янушкевич (2017). Вторую группу исследований, послуживших теоретической базой для настоящей статьи, составили работы, посвященные анализу художественных принципов батального текста первой трети XIX века. В частности, созвучными являются наблюдения А. И. Кузьмина (1974) над героической поэзией и военно-патриотической темой в историко-литературном процессе, статьи, посвященные выявлению духовных оснований портрета в батальном тексте А. С. Пушкина (Гулин, 2018; Киселева, Поташова, 2021), рассмотрению функций батальных эпизодов в одах классицизма, художественного своеобразия гусарской поэзии начала XIX века (Скибин, 2020). Третья группа представлена исследованиями, в которых выявлен мотивный комплекс поэтической баталистики, связанный с имперскими идеями и православным приятием мира (Киселева, Поташова, 2022), акцентирован общий героический пафос поэзии 1812 года и древнерусской словесности (Прийма, 1980), определены причины обращенности романтической поэзии к «героико-патриотическому пафосу 1812 года» (Аношкина-Касаткина, 2014, с. 5). В то же время специальных исследований, посвященных изучению проблемы взаимодействия повествовательного и описательного начал в словесном художественном образе, выявлению особенностей эволюции изобразительности батальной поэзии, сделано не было. Методологическая база для настоящего исследования была ранее намечена в наших работах, связанных с анализом поэтики визуального в словесной баталистике (Поташова, 2022; 2023). Конкретный методологический инструментарий исследования составляет культурно-исторический метод, способствующий рассмотрению поэтической баталистики в контексте сложившегося круга тем и настроений русских поэтов начала XIX века с точки зрения присущих этому временному периоду позиций; сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить генезис поэтической передачи батальных образов от древнерусской литературы к классицизму и романтизму; а также принципы структурно-типологического анализа, направленного на определение архитектоники батального пространства.

Практическая значимость исследования связана с разработкой и внедрением в практику высшей школы инновационных путей интерпретации поэтических произведений, что способствует активизации познавательной деятельности обучающихся в процессе освоения дисциплин историко-литературного цикла («История русской литературы 18-19 веков», «Древнерусская литература», спецкурсы и спецсеминары по литературе).

Обсуждение и результаты

Влияние фольклорной традиции и древнерусской словесности на оформление поэтической образности баталистики периода Отечественной войны 1812 года неоспоримо, как в связи с пришедшимся на этот период постепенным открытием памятников древней словесности, изображающей события «сильно и резко» (Жуковский, 1985, с. 293), так и схожей исторической ситуацией оборонительной войны, для передачи которой воинское повествование периода татаро-монгольского нашествия было наиболее созвучно. Именно в Древней Руси, воспринимаемой в начале XIX века в парадигме панславянских идей, видели средоточие национального самосознания, находили объяснения причин вражеского наступления и «сведения во гроб счастья земли русской» (Гнедич Н. И. Поэма из времен княжеских усобиц (РНБ, ф. 197, ед. хр. 5, л. 2)), истолкование грозных исторических предзнаменований и эсхатологических предчувствий. Кроме того, на 1800-е годы приходится активное распространение воинских повестей периода татаро-монгольского нашествия, в частности, в списках расходится «Сказание о Мамаевом побоище», что способствовало утверждению поэтических сравнений Наполеона с Мамаем или Батыем («Дружину нового Мамаю // С лица земли родной сотрем» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 214); «Мамаи, лютые Батыи // Падут пред Господом во прах» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 247)), русских полководцев и воинов – с дружиной Дмитрия Донского («Димитрий с громами» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 94); «О вы! Кем Невский мог престол ваш защитить, // Димитрий, Иоанн врагов в бою смирить!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 278)). В этой связи для определения специфики поэтической баталистики 1812 года примечательно обращение к древней словесности как к источнику символической образности, в которой, по мнению И. И. Срезневского, «лѣтописная правда и воспоминания очевидцев или современниковъ перевиты цвѣтами размышленія и воображенія» (1858, с. 3).

В каноническом батальном тексте, организованном по единой композиционной схеме 'нашествие врага' – 'сплочение сил' – 'сражение' – 'победа', использующейся и при изображении в древнерусской литературе вторжения татаро-монгольского войска, и в поэтической баталистике 1810-х годов армии Наполеона, поле является не только пространственной номинацией, но выражением «исторической памяти и живой причастности нации» (Киселева, Абашева, Алпатов и др., 2019, с. 2) к отпору врага. Если в эталонных батальных описаниях из «Илиады», перевод которой на русский язык осуществлялся в это же время, по отношению к полю укрепилась характеристика, связанная с его непосредственным пространственным функционалом в сражении и не несущая явно выраженных визуальных коннотаций, – «битвенное поле» (Илиада, 1985, с. 100), то поэтической системе русской баталистики, восходящей к народному героическому эпосу и древнерусской воинской повести, присуще иное изображение поля, наделение топоса сакральными смыслами. В батальном контексте топос поля реализуется в нескольких значениях – помимо своего прямого назначения, связанного с названием места сражения, оно мыслится в обобщенном образе всей русской земли, на защите которой стоит богатырь-воин, и как пространственная примета «земного мира в его связи с духовной реальностью» (Киселева, 2019, с. 94).

Наделение символическими коннотациями топоса поля генетически восходит к русскому героическому эпосу. Локализация событий в «чистом поле» организует былинное повествование, именно поле выступает богатырским пространством, образующим как боевые эпизоды («Дай поехал молодец и с широка двора, // С широка двора в раздольище чисто поле» (Илья Муромец, 1958, с. 101); «Они едут как по чисту полю» (Илья Муромец, 1958, с. 118)), так и бытовые, мирные, связанные с сельскохозяйственным трудом богатыря («А пошел он как хранить полѣ отцовское // Он завидел-ле в поли ноньци скот ходит» (Илья Муромец, 1958, с. 16)). Былинное поле, не соотносящееся с конкретными географическими координатами, является сакральным пространством героического эпоса, непосредственному отправлению богатыря в поле предшествует молитва («Они молятся Спасу Пречистому, // Они Божьей Матери, Богородици» (Илья Муромец, 1958, с. 118)), выезжая в поле, богатырь держит родительский завет («ни убей в чистым поле христьянина» (Илья Муромец, 1958, с. 26)), а собственное его нахождение там является своеобразной гарантией мира на русской земле, определяет само его богатырское предназначение: «Дай поедемтя в раздольище в чисто поле, // Постоимтя за веру за Отечество» (Илья Муромец, 1958, с. 104). Будучи типичным повествовательным элементом былины, поле не живописуется, но наделяется формульными характеристиками, данными посредством зрительных ассоциаций, – оно непременно «чистое» и «раздольное», то есть пространственно открытое, не знающее границ, оттого созвучное исполинскому характеру богатыря. Наступлению врага на русскую землю соответствует изменение покойного состояния поля, оно наделяется ответной эмоциональной реакцией, зримо переданной в природных зарисовках. Государственные бедствия уподобляются неизведанным стихиям, происходящим в поле, изображению которого сопутствует традиционная для батального текста в фольклоре метафора «волнение-буря»: «Уж не травушка в чистом поле зашаталась, // Не муравая ко сырой земле приклонялась» (Илья Муромец, 1958, с. 118). Появление на широком пространстве поля доступных богатырскому взору сторонних объектов-преград воспринимается им как нарушение покоя русской земли: «Я смотрел и зрел да во чисто поле, // Там неверно собранье нынче ожило» (Илья Муромец, 1958, с. 141); «В чистом поле увидел ископоть великую» (Илья Муромец, 1958, с. 177). О ходе битвы в поле сообщается в отдельных деталях, зачастую представлен только исход сражения: «...в чистом поле-то пошла курева столбом» (Илья Муромец, 1958, с. 185); «Бросил он его в чисто поле, // А разлетелись у татарина тут косточки» (Илья Муромец, 1958, с. 154).

Типичные для былины батальные эпизоды, построенные посредством изображения пространства, наследует батальная словесность Нового времени. Былинный топос «чистое поле» в стихотворениях о войне 1812 года

используется как механизм стилизации под народную лирику. Так, в «Песне на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» применяется традиционный былинный отрицательный зачин – ряд перечислений, построенный из нагнетания того, что может казаться в обыденной жизни страшным и в сравнении с чем война оказывается безусловно отличимой: «Не в чистом поле, не в пустой степи, // Не в темном лесу, не в сырмом бору» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 123). В контексте батального образа былинный топос ‘чистое поле’ мог выступать и в прямом пространственном значении и ориентироваться на выражение простой речи с элементами гусарской бравады («Трупы ваши разбросает // В чистом поле, будто сор!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 429); «в чистом поле под шатром» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 170); «веселяся в чистом поле» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 170)). Былинная традиция создания батального пространства оказывается созвучной оформившейся в это время дружеской гусарской поэзии, воспевающей молодецкую удаль воина и оттого акцентирующей «в шатрах, на поле чести» этический кодекс воина: «Там дружество без лести, // Решимость, правда, простота, // И нравов непритворство» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 49). Таким образом, художественная зримость пространства в поэзии 1812 года напрямую наследует традицию русской былины, выработавшей универсальный эпический топос поля.

В древнерусской воинской повести, постепенно отказывающейся от обобщенных образов и условного хронотопа в пользу исторически верных картин, при сохранении традиционной пространственной горизонтали поля, его великости («бо поле чисто и велико зѣло» (Сказания и повести..., 1982, с. 8)) очевидной становится конкретизация пространства, обусловленная необходимостью представления достоверности батального образа, передачи военного события во всей его исторической значимости. Былинный образ «чистого поля» перестраивается в образ ратного поля как пространства воинской славы, места разворачивания русской истории, что обуславливает появление конкретных локусов, наблюдающихся и в более поздних былинных сюжетах («нас выведут на поле на Куликово» (Илья Муромец, 1958, с. 91)), и в древнерусских воинских повестях периода татаро-монгольского нашествия («перешедшу за Донъ в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы» (Сказания и повести..., 1982, с. 7)). В связи с визуализацией топоса поля в батальном контексте особенно примечательны «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина», которые в изображении Куликова поля наследуют традиционную былинную топику и при этом развивают новые поэтические приемы создания пространства военного сражения.

В обобщенном значении поле в воинском повествовании является отеческим владением, всей русской землей, в более частном – землей, которая передавалась от отца к сыну, что подчеркивает корневое родство с полем («уже бо поганые на поля русские наступают и вотчину нашу отнимають!» (Сказания и повести..., 1982, с. 7)), в конкретном значении – это непосредственно поле сражения, наделенное исчисляемым расстоянием, показывающим расстановку сил русских войск и полчищ Мамаевы («и покрыша полкы полѣ яко на десяти верстѣ» (Сказания и повести..., 1982, с. 8)). Героический характер повествования достигается в том числе за счет создания пространства в реалистическом и объективном ключе, что обуславливает включение в батальные картины обширной фактографии. Так, отражая события Куликовского сражения в «Сказании о Мамаевом побоище», древнерусский книжник на протяжении всего своего повествования использует формулу, задающую пространственные очертания битвы: «...на рецѣ Непрядвѣ, у поля Куликова» (Сказания и повести..., 1982, с. 233) – или с еще более конкретными уточнениями: «...а том полѣ Куликовѣ: бѣ мѣсто то тѣсно между Доном и Мечею» (Сказания и повести..., 1982, с. 234); «...между Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке Непрядвѣ» (Сказания и повести..., 1982, с. 238), обозначая тем самым в манере летописания географическую точку важнейшего исторического события. Фактическая точность придает описанию битвы особую значимость, «подчеркивает напряженность действия, способствуя четкой сюжетной организации» (Трофимова, 2017, с. 42). Именно в этой, конкретной, географической точке концентрируется в данный момент условно-обобщенное пространство всей русской земли, разворачиванию битвы сопутствует сужение широкого пространства до конкретного места средоточия воинской славы: «Стоялъ князь великий за Дономъ на полѣ осмь днѣй, дондеже розобраша христианъ с нечестивыми» (Сказания и повести..., 1982, с. 237).

Обретая в древнерусском повествовании большую историческую конкретность, поле снабжается развернутыми описаниями героических событий, происходящие в этом пространстве битвы изображаются эмоционально ярко и художественно насыщено. Именно описание поля как места сражения становится центральным повествовательным элементом воинских повестей о Куликовской битве, оно исполнено могучими воинами, вместе с иными природными образами поле эмоционально откликается на разворачивающиеся события, через его описание показаны результаты великого сражения. Древнерусский книжник, являясь эпическим художником и желая показать подвиг русского народа, любит наполняющей поле сражения русской дружиной в золотых доспехах, представляя ее обобщенно в сцене своеобразного военного смотра на Коломенском поле («Сынове же рускыа наступиша на великиа поля коломенскыа, яко не мощно вмѣститися от великого въинства» (Сказания и повести..., 1982, с. 233); «Выедемъ, брате, в чистое полѣ и посмотримъ своихъ полковъ» (Сказания и повести..., 1982, с. 233)), в крупных портретных изображениях («и выседоша удалыцы з борзыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликове на речке Непрядве!» (Сказания и повести..., 1982, с. 234)) или же в сверхкрупных планах («Русские сынове широкие поля кликом огородиша и злаченными достѣхами осветиша» (Сказания и повести..., 1982, с. 231); «гремятъ русские сынове своими злаченными достѣхы» (Сказания и повести..., 1982, с. 236)). Собственно сражение на поле показано через образы-замены, воспринимаемые зрением и слухом. Это могут быть природные образы, созвучные сражению по силе стихии: «Земля стонеть велми, грозу велику подаваючи на востокъ нолны до моря, а на запад до Дунаа, великое же то поле

Куликово прегигающесея, рѣкы же выступаху из мѣсть своихъ» (Сказания и повести..., 1982, с. 238), или же зримые картины столкновения оружия и звуковые образы гремящих доспехов, посредством которых во всей масштабности изображается ратное поле: «И удариша копия харалужныя о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове» (Сказания и повести..., 1982, с. 10). И здесь следует обратить внимание на художественный механизм конструирования батального эпизода. Зрительно битва происходит не между человеком и человеком, но в схватке оружия, что обусловлено стремлением книжника, с одной стороны, подчеркнуть всю трудность сражения, с другой – по возможности избежать изображения военных жестокостей и гибели воина. В то же время воссоздание поля сражения исполнено в «Задонщине» яростными описаниями, каждая деталь представленной картины введена для большего эмоционального воздействия на читателя, направлена на то, чтобы и достоверно, и трагически показать военные события. С целью достижения убедительности батальных сцен книжник строит изображение на эффекте эмоционального нагнетания, переходя от фиксации погибших воинов противника к трагическим картинам павших русских дружинников. При этом акцентируется воспринимаемое зримо изменение состояния поля, теперь оно уже не «чистое», а обгаренное кровью: «Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть» (Сказания и повести..., 1982, с. 12); «А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская» (Сказания и повести..., 1982, с. 12).

В сравнении с поэтикой батального образа в древнерусской воинской повести в изображении событий 1812 года усиливается документализм, проявившийся в четких указаниях на конкретные локации, составившие героическую карту начала XIX века: «И молнии с молниями секлись, // И небо и земля тряслись // На Бородинском поле страшном, // На Малоярославском, Красном» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 22); «Стой, росс! Ты подошел к полям Бородина!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 114). В то же время в названиях полей сражений заметна классицистическая традиция героизации образа через аллегорические параллели, подчеркнутые из античности, что обусловило обозначение батального пространства как «Марсова поля», названного в честь древнеримского бога войны и оттого исполненного героическим звучанием: «Встречая славну смерть средь Марсовых полей» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 361). Номинации пространства сражения дополняются обобщенными и эмоционально звучащими характеристиками, позволяющими представить батальные сцены в возвышенно-патетическом ключе, следствием чего стало оформление постоянных топосов 'ратное поле' («На поле ратное летите; // Мечем врагов карайте злых» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 233); «Мы все умрем на ратном поле, // Когда Отечество зовет!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 234); «Застонало ратно поле! // Бранный гром с холмов гремит!...» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 258); «На поле ратном стал беглец!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 319)), 'бранное поле' («Что росс есть бог на бранном поле» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 317)). Рядом с номинациями ратного или бранного поля, в которых пространственные координаты отходят на второй план, а основным становится значение 'бой, битва', оказываются патетические призывы, раскрывающие героическую тему: «Братья наши в ратно поле // Головы за нас несут» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 416); «Коль все на бранном ляжем поле, // Не будет в свете русских боле» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 71). В приведенных контекстах, наряду с пространственным значением и символической наполненностью, топос поля обретает дополнительное значение – 'поле чести': «В шатрах, на поле чести, // И жизнь и смерть – все пополам!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 49). В таком случае поле становится пространственным воплощением событий духовно-исторического порядка, местом, где концентрировался нравственный и физический запас сил всего русского народа.

В отдельных случаях высокие книжные характеристики «ратный» и «бранный» заменены на более простые, но не менее эмоциональные, привносящие в батальный текст индивидуально-личностное начало, – 'кровавое поле' («Без страха на кроваво поле // Полцарства движется, спешит» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 65)) и 'страшное поле' («На Бородинском поле страшном» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 22)). Порождением таких реакций является уподобление войны природной стихии, выступающей предвестником страшных сражений: «Как Запад с Севером сражался, // И гром о грома ударялся, // И молнии с молниями секлись, // И небо и земля тряслись» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 22); «Затмился солнца свет, земля тряслась, и дым // Нагнал на россов мрак; но в них сердца пылали!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 114).

Поэтические механизмы наполнения батального пространства в поэзии начала XIX века также развиваются в традиции древнерусского повествования и активно задействуют зримые и звуковые образы-замены, развивающиеся по пути достижения большей правдивости. При описании Бородинского поля прицельным взглядом наблюдателя изображается столкновение разнообразного оружия: «Уже гремят доспехи ратны, // Уже звучат мечи булатны, // И копий миллион блеснит» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 65). Сила оружия и тяжесть военного сражения передаются через уподобление миру живому, зримый образ в коротких и метких фразах дополняется наиболее точной акустикой: «Там штык с штыком, рой с роем пуль, // Ядро с ядром и бомба с бомбой, // Жужжа, свища, сшибались с злобой, // И меч, о меч звуча, слал гул» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 22). Усилие визуального и звукового эффекта в батальных картинах вызвано одической грандиозностью в передаче сражения, предполагающей нахождение поэта на самом ратном поле и создание им в высоких и эмоционально воздействующих тонах образов битвы, полководца и воина, представляя тем самым «битву как зрелище» (Потапова, 2020, с. 263). По такой модели строит условно-аллегорические сцены сражений на поле битвы В. А. Жуковский в «Певце во стане русских воинов».

Батальный эпизод Жуковский начинает с обращения к Перуну как славянскому покровителю князя и дружины («Перун по холмам грянул!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 61)), затем призывает смотреть

и слушать баталию на поле («Внимайте: в поле шум глухой! // Смотрите! Стан воспрянул» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 61)) и, наконец, наполняет поле сражения отдельными картинами боя («И кони ржут, гремя бразды; // И строй сомкнулся с строем; // И вождь летит перед ряды; // И пышет ратник боем!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 61)). «Шумному» и визуально насыщенному полю Жуковский противопоставляет поле «тихое»: «На поле бранном тишина! // Огни между шатрами!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 46). Примечательно, что в этих акустических характеристиках совмещается и звуковое, и зримое начало. Тишина на бранном поле – это время покоя, пространство предстает в сугубо романтической эстетике ночного пейзажа («Друзья! Здесь светит нам луна, // Здесь кров небес над нами!» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 46)). В сравнении с древнерусской репрезентацией поля сражения в баталистику Нового времени привносится дополнение картины битвы зрительной помехой. Если в воинской повести отсутствие солнца имело символическую трактовку богооставленности и оттого предзнаменования неудачного исхода сражения, то в баталистике 1812 года увидеть происходящее на поле битвы не дает мрак и дым как стихия, воплощающая образ врага: («...Земля тряслась, и дым // Нагнал на россов мрак; но в них сердца пылали! // Сквозь дым, сквозь мрак врага указывали им» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 114)). Победа над стихией отождествляется с победой над врагом: «И враг, погибели страшася неизбежной, // Содрога и с стыдом с полей сих отступил» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 114). Новаторством романтической поэзии является покрытие ратного поля туманом: «Подобным зрелищем смущенный, // Я шел, блуждая по полям; // В ночи, туманом помраченной» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 22); «В густом тумане ратна сила, // Всеобща скорбь слышна в речах» (Собрание стихотворений..., 2015, с. 350). Если у Жуковского ночное небо над полем не является признаком рокового, зловещего и трагического, то туман привносит в батальный контекст дополнительную эмоциональную тональность – элегическое настроение, он сопутствует размышлению над предшествующим сражением, что в полной мере отвечает эстетике романтизма.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В поэзии 1812 года топос поля является одним из наиболее частотных в художественной системе баталистики. Поэтические характеристики, которыми снабжается батальное пространство, повторяют описания, характерные для устной народной традиции и древнерусской воинской повести, продолжают и развивают заложенные традиции. Обращаясь к древнерусской стилистике, поэты – очевидцы событий 1812 года придают своим произведениям героическое звучание, наделяют традиционные батальные топосы дополнительными смыслами. Вдохновленные яркой образностью былин и воинских повестей, отражающих события татаро-монгольского нашествия, поэты привнесли в батальный текст романтические и реалистические тенденции изображения пространства, что проявилось в воспевании на поле боя воинской заслуги обычного человека, гусарской удали, дружеских чувств, изображении солдатского быта, что в купе предоставляет читателю возможность зримо воспринять исторические события и приобщиться к словесной патриотической традиции. Настроение, ощущение и отношение человека к происходящим историческим событиям передаются через визуальные образы, позволяющие читателю воочию представить батальные события. Символические смыслы, дополняющие прямое назначение топоса поля, дают пространственной категории возможность подчеркнуть значимость тех аспектов военных событий, которые при использовании иных поэтических инструментов не могли получить должного внимания. В качестве перспектив дальнейшего исследования можно назвать выявление и систематическое описание визуальной метафоры в батальной поэзии 1812 года.

Источники | References

1. Айзикова И. А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1.
2. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный университет, 2014.
3. Гулин А. В. «Он весь, как Божия гроза». Пётр Первый в поэме А. С. Пушкина «Полтава» // Литература в школе. 2018. № 3.
4. Киселева И. А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6422>
5. Киселева И. А., Абашева Д. В., Алпатов Т. А., Джанумов С. А., Дорожкина М. А., Колокольцев Е. Н., Крутова М. С., Леденёва В. В., Павлова И. Б., Поташова К. А., Сохряков Ю. И., Сытина Ю. Н., Федосеева Т. В., Шевцова Л. И., Щедрина Н. М. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе. К 90-летию профессора Веры Николаевны Аношкиной. М.: Московский государственный областной университет, 2019.
6. Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3.
7. Киселева И. А., Поташова К. А. Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику // Научный диалог. 2021. № 4.
8. Кошелёв В. А. Гимн «на прогнание», или «Апокалипсис преложить» (о поэтике позднего Г. Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14.

9. Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. М.: Просвещение, 1974.
10. Поташова К. А. Батальная поэтика М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 2. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12183>
11. Поташова К. А. Поэтика батальной лирики В. А. Жуковского: традиции и новации // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 3.
12. Поташова К. А. Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова: творческое усвоение державинской традиции // Научный диалог. 2020. № 8.
13. Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980.
14. Скибин С. М. Жанр «гусарской песни» в творчестве С. Н. Марина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 4 (33).
15. Срезневский И. И. Задонщина. Чтение. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1858.
16. Трофимова Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: Московский педагогический государственный университет, 2017.
17. Янушкевич А. С. Особенности имперского текста В. А. Жуковского: идеология и культуртрегерство // Имигология и компаративистика. 2017. № 7.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-2134.2022.2.

The research was funded by the Russian Science Foundation by the Grants Council of the President of the Russian Federation, project number MK-2134.2022.2.

Информация об авторах | Author information

Поташова Ксения Алексеевна¹, к. филол. н., доц.
¹ Государственный университет просвещения, г. Москва

Potashova Ksenia Alekseevna¹, PhD
¹ State University of Education, Moscow

¹ kseniaslovo@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.10.2023; опубликовано online (published online): 07.11.2023.

Ключевые слова (keywords): словесная баталистика 1812 года; художественный образ; генезис; былина; воинская повесть; poetic batalistics of 1812; artistic image; genesis; bylina (epic poem); military tale.